

Два Иуды (вариант 3)*

Р. Г. Назиров

VII

Ласковое осеннее солнце отряхнулось от песков Аравии, окрасило лазоревым цветом суровые хребты Иудеи и Переи, осветило лагерь на западном берегу Иордана и, наконец, воссияло над его водами Иордан.

Народ, стекавшийся послушать пророка Божия, постоянно обновлялся, люди приходили и уходили, всё далее разнося слух о вернувшемся Илие; иные оставались возле него целыми неделями. Многие, отход я с семьями или откочёвывая со стадами, всё же боялись пропустить приход Мессии, а для того держались в пределах дневного перехода от Салима Енона — места, где пророчествовал Иоханан.

В лагере было много оружия, и самые горячие головы тайно просили пророка объявить священную войну против детей Ирода и против самого кесаря. Пророк выжидал, не принимая окончательного решения.

Ждал ли он знамения Божия или просто какого-то крупного политического события? Последнее в раскалённой атмосфере страстной веры неизбежно было бы воспринято как знамение свыше.

Скорее всего, Иоханан ждал смерти Тиберия, чтобы броситься на Тибериаду. Смерть Кесаря могла повлечь за собою волнения в провинциях, споры легионов, вторжение парфян. Иоханан привык ориентироваться на Восток, в духе всей многовековой еврейской традиции; однако ночная беседа с плотником Йешуа, заставила пророка взглянуть новыми глазами на политическую карту земного круга.

Солнце взошло, и лагерь у Иордана ожил. Утренняя доение верблюдиц, суматоха завтрака, крики ослов, лай собак, составили обычную симфонию восточного оазиса. Галилея всегда была известна густой примесью нееврейского населения — арабов, финикийцев и прочих. Лагерь у Иордана отличался особой пестротой.

Здесь были, кроме галилеян, евреев Севера, также идумеи со своими овечьими стадами; беглые ~~солдаты~~ наёмники Ирода, бросившие свою службу и дымные таверны Тибериады ради великого слова; целые семьи чистокровных иудеев и даже иерусалимские левиты; самаритяне, презираемые всеми евреями (ибо Самария признавала только Пятикнижие и не считала иерусалимский Храм подлинным местом пребывания Бога); тут были и рассказавшиеся разбойники, и zeloty, и несколько племён арабов со своими дротиками, своими

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–14–02008.

верблюдами и безгласными закутанными до глаз жёнами. Эти язычники пустыни тоже искали Бога: в Иоханане, которого они именовали Яхья Эль Наби, им открылся подлинный пророк.

Он вышел из шатра и появился среди народа, когда солнце стояло уже довольно высоко. Его окружили самые ревностные почитатели. Народ приветствовал его на всех наречиях:

— Вот он, вот он, смотрите!

— Пророк идёт!

— Иоханан! Иоханан

— Яхья! Яхья Эль Наби!

— Иоханан, возвести нам о Мессии!

Обожжённый солнцем пустыни, отнюдь не изнурённый лишениями, но закалённый ими, как камень, этот Голиаф с лицом ясновидца поражал своей красотой: страшная мудрость и страшная горечь соединялись в этом лице. Предвидел ли он свою судьбу? Видел ли душевными очами, как его могучую голову поднимет на блюде тонкая идумеянка, ликуя и смеясь всеми своими ослепительными зубами?

Нет, он не мог этого предвидеть. Он понимал, на что он идёт: он выбрал великую иудейскую судьбу, а это значило, что он будет сражён мечом, или раздавлен боевым слоном, или распят, или заживо сожжён, или казнён ещё каким-нибудь из тысячи способов, какие измыслило людское хитроумие, вечно бегущее от однообразия. Он понимал, что история повторяется и что великая судьба всегда печальна и кровава; однако Иоханан не вполне, что история непредсказуема и что будущее — поле нашей свободы. Не мог он знать и обстоятельств своей грядущей гибели.

И вот Иоханан, сын Захарии, Предтеча Мессии, Вопиющий в пустыне, занял своё место перед деревянным престолом, под сенью грубого навеса, покрытого ветвями и козьими шкурами. Толпа в несколько тысяч человек полукольцом окружала его, медленно и постепенно смиряя собственное волнение.

Цари земли со всею их гордыней показались бы в сравнении с Иохананом юркими попрыгунчиками. Нет, в нём не было бравадного полёта Александра Великого, ни иератической важности персидских царей, ни холодной помпы римских кесарей. Но он возвышался над толпою прямо, как пламя в безветренный день; глядя на него, всякий мог почувствовать муку и счастье пламени.

И раздался голос пламени:

— Кайтесь! Приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему!

Он углублялся в себя и *видел* (а по его остановившемуся лицу читала вся огромная толпа и видела то же, что он):

— Вот идёт за мною Тот, кому я не достоин отрезать ремень от обуви Его!

Он уже обращался к властителям Тибериады как к ничтожеству, считая их судьбы решёнными окончательно. Теперь его занимали Сион и Храм: в проповеди пророка вни-

мательные слушатели замечали новые акценты. Иоханан называл саддукеев и фарисеев порождениями ехидны, предвещая их скорую гибель:

— Уже и секира при корне дерев лежит!

Скоро, скоро грядет мститель и исполнитель правосудия, истинный царь Израиля! Подобно Маккавею, он поднимет меч, прогонит язычников и покарает всех виновных, а затем вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливости и вознесёт Израиль превыше всех народов Земли.

Замирая в благоговейном страхе, толпа предчувствовала тяжёлую поступь Мессии. Нужно подготовиться к Его пришествию раскаянием и очищением сердца, проторить для Него пути и спрямить стези Ему. Мессия несёт правосудие и благо, но всё же лик Его страшно представить. И точно в унисон с этой жутью гремело грозное предостережение:

— Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!

И этому предсказанию суждено было по-своему сбыться, хотя и не так, как предполагал человеческий разум Иоханана.

Ибо у пророков тоже бывает обыкновенный человеческий разум с его тесной логикой, бедными экстраполяциями и ошибками, которые повторяются из века в век, ничему не научая. Пророки нужны нам не ради их разума, ведь и наш собственный ум гарантирует нам достаточное число ошибок.

Пророки драгоценны своим внеразумным мышлением в масштабах целостных наций: из этого мышления народов и рождается пророческий дар — всемирноисторическая интуиция.

Пророки имеют право ошибаться: даже их ошибки *заряжены будущим*.

VIII

Ближе к вечеру, после недолгого отдыха, Иоханан направился к берегу Иордана.

Тощая растительность пустыни здесь сменялась зелёной каймой кустарников. Река образовывала небольшой мелководный залив, естественное подобие купели: это и было место крещения.

Позднее греки называли этот обряд «баптисмос» («погружение в воду»). Омовения лица и рук входили в ритуал древних религий, в Индии считалось необходимым очищающее купанье в священных водах Ганга. Обряд, введённый Иохананом, отличался от этих омовений и купаний.

Пророк ввёл *одноразовый* обряд купанья, символически означавший очищение от грехов прежней жизни, по сути дела — от всего прошлого, и вступление в новую религиозную эру. Это был переход из времени неправосудия в век Мессии.

Иоханан вошёл в воду залива. Солнце, клонясь к закату, красиво освещало его косматый и грозный силуэт. Бесконечной чередой люди потянулись к реке и проходили перед Иохананом.

Полураздетые, они входили в Иордан по пояс и склоняли головы перед пророком. Он черпал ладонями и лил воду священной реки на подставляемые головы и спины. Обряд состоял

из погружения в воду и окропления водой. Люди не купались сами, их купал пророк, словно грозный и заботливый отец купает своих робко-любящих детей.

Вдруг лёгкий трепет пробежал по череде верных: Иоханан вздрогнул и пролил воду мимо поставленной спины рослого галилеянина — могучей спины землепашца со следами палок.

Пророк смотрел вверх, подняв голову.

По тропе, среди крещаемых, спускались два ессея в праздничных белых льняных одеждах своего братства. За ними шёл высокий, смуглый галилеянин, нагой до пояса.

Первый из ессеев, лет двадцати восьми, с длинными волосами, как у человека, давшего обет, казался необычен своим тихим, внимательным лицом и удивительно благородной осанкой.

Он вошёл своею чередою в Иордан и погрузился до пояса, смиренно склонив голову.

Струи воды из ладоней пророка окропили голову ессея и потекли по его спине.

Йешуа поднял голову, и пророк Иоханан вздрогнул.

Снова этот взгляд!

На мгновение всё окружающее исчезло для Иоханана, исчезли горы, Иордан, тысячи людей и само солнце. Опять охваченный страшной тревогой, Иоханан спросил, умеряя свой голос:

— Скажи, не ты ли Мессия?

Никто не слышал этих слов, кроме юного ессея Иоханана, шедшего следом за Учителем. Пророк тут же опомнился и пожалел о своём вопросе, ибо тут не место было спрашивать.

На лице ессея отразилась тень недоумения. Он уже получал этот вопрос перед восходом солнца и уже ответил на него. Неужели Иоханан забыл об этом? Или он не поверил?

Йешуа молча склонил свою мокрую голову со слипшимися волосами и сложил руки, испрашивая у пророка благословения.

Иоханан торжественно простёр над ессеем обе руки, благословляя его. Люди взволнованно замерли.

Многие слышали о гостях с берегов Мёртвого моря и о том что пророк до зари беседовал с одним из них.

Йешуа вышел из воды и присоединился к тем, которые одевались на берегу ниже по течению. Он подождал Иоханана и Симона Зелота.

В глубоком молчании они вернулись в лагерь.

Здесь их ожидала нечаянная радость в образе Андрея, рыбака с Геннисаретского озера, и Фомы.

Андрей Рыбак, родной брат Симона Зелота, пришёл прямо из Тибериады и принёс важные вести. Фома, чёрный от загара, в жёлтом тюрбане, два дня назад вернулся из дальнего путешествия на Восток.

Йешуа, Иоханан и Симон встретили новоприбывших традиционными поцелуями. Всем не терпелось узнать новости, послушать рассказы Фомы о Вавилоне и Аравии, однако Учи-

тель прежде всего послал Андрея и Фому на Иордан — принять водное очищение от Иоханана Предтечи.

Они вернулись уже на закате, задумчивые и присмирившие. Йешуа сидел у костра, подкидывая в него хворостинки.

— Иоханан воистину великий пророк, — сказал Андрей, — *он узнал нас*.

— Разве он видел вас раньше?

— Нет, Учитель. Но он сразу же сказал Фоме: «Ты из названных братьев ессея Йешуа, сына Иосифа. Все вы смотрите не так, как другие люди». А потом посмотрел на меня и сказал: «И ты тоже».

— Учитель! — сказал Фома. — Он велел передать тебе, что ещё не всё узнал от тебя.

— Опять! — пробормотал Йешуа.

Он расспросил Андрея о новостях, переданных тибериадскими друзьями. Андрей донёс и весть от Марии, матери Йешуа, недовольной его долгим отсутствием.

Потом он снова молча сидел у костра, и его друзья тихонько разговаривали между собой, косвенно поглядывая на него, но не смея прервать его думы.

Наконец, он поднялся и вместе с любимцем своим Иохананом направился в сторону шатра пророка.

Солнце уже садилось, но пророк ещё был на реке. Йешуа отыскивал людей из стражи пророка — иудея с лицом ястреба и гиганта-араба.

— Братья, — сказал он им, — передайте Иоханану Пророку, что плотник Йешуа желает ему здоровья, а сам уходит со своими людьми, ибо получил важные вести.

— Хаким! — почтительно сказал араб. — Повремени и не уходит. Думается мне, Наби хочет ещё раз видеть тебя.

— Сожалею, но дорога зовёт и торопит. Передай ему, что слово его запечатано в моей груди золотой печатью.

Стражи пророка заставили ессеев взять у них хлеба, маслин и сушеного винограда, дали мех чистой иорданской воды и проводили с почётом.

— Да пребудет с тобой благословение, хаким!

— И над вами мир и благословение!

Пятеро ушли в неурочный час, когда лагерь готовился к ночлегу. Стихал дневной шум, люди лежали вокруг огней и рассказывали свои вечные предания и притчи. Где-то в сумерках зазвенели струны арфы, любимого музыкального инструмента евреев, и высокий женский голос начал знаменитый диалог:

Я черна, дочери Иерусалима, но прекрасна:

Вот за что возлюбил меня царь среди всех

И возвёл на ложе своё. . .

Вступил мужской голос, но слов певца уже не было слышно. Пятеро начали подниматься на первые холмы, и огни остались позади, и песня с арфой истаяла в тёмном воздухе.

Пятеро шли под звездами, беседуя между собой и главным образом слушая красочный отчёт Фомы. Все шли рядом — и Андрей Рыбак, и брат его Симон, позже прозванный за свою крепость «Петром» (по-гречески — «камень»), и плотник Йешуа, и тихий юноша Иоханан, получивший позднее прозвище «Сын Грома», и Фома, которому предстояло прославиться в веках своим скептицизмом.

Они были молоды, их вела надежда. Галилейская ночь открыла им свои объятия. Они шли с Иордана, и тати ночные не льстились на их виноград и маслины, чтя имя пророка, а диких зверей наши странники и подавно не боялись.

Йешуа не мог забыть тоску на лице Иоханана Пророка. ~~и его воню~~
«Скажи, не ты ли Мессия?»

IX

Спустя десять дней после описанных событий галилейский тетрарх Антипа в одном из покоев Тибериадского дворца принимал своих министров с экстренным отчётом.

Он сидел в кресле из ароматического сандалового дерева, одетый в тёмную тогу с фиолетовой каймой. Позади него в длинной пурпурной симарре восседала внучка Ирода Великого. Тонкое льняное покрывало осеняло её властное и всё ещё красивое лицо. Глухонемая нубийская рабыня равномерно обвевала её страусовым опахалом, далеко разгоняя благоухание мирры и нарда.

Перед этой четой стояли их советники, военачальники, казначеи, жрецы. Отчёт был затребован не случайно. Накопилось много весьма неприятных инцидентов.

Средь бела дня в нескольких стадиях от Тибериады нашли труп римлянина, декуриона Максима Анция.

— Кто это сделал? — спросил тетрарх.

Эв был Финикиец, начальник стражи и розыска, с поклоном ответил:

— Виновные будут непременно найдены, повелитель.

— Виновные никогда не будут найдены! — резко бросила Иродиада. — Нужно уморить следствие по этому делу.

— Как отнесутся к этому наши римские друзья, повелительница?

— Никак не отнесутся, — отрезала Иродиада. — Зачем им знать? Есть у нас в темнице свежие разбойники? Прекрасно! Отдайте римлянам двух, нет, лучше трёх разбойников как убийц декуриона, и пусть наши друзья распнут их в своё удовольствие.

— Быть так, — скрепил тетрарх.

В глубине души он горько ненавидел римлян, которые сначала вознесли, а потом унизили Идумейскую династию, разделив Царство на четыре части и превратив его, по сути дела, в свою колонию.

Однако из страха перед Римом Антипа скрывал свои подлинные чувства под шитой золотом сердечностью.

Положение его становилось непрочным, ибо сирийский легат Вителлий, которому подчинялась и вся Палестина, недолюбливал Антипу. . .

Следующее известие было ничуть не веселее. *Публикан* (мытарь) Исаак Каллисфен, весьма нелюбимый чернью за своё богатство и неукоснительную строгость взысканий, был вчера убит кинжалом на Иерусалимской дороге. Двое его телохранителей исчезли без следа. Такие происшествия случались и ранее, но в последнем инциденте появился новый и пугающий элемент: *денег не тронули*.

Тетрарх, выслушав этот доклад, метнул брезгливый взгляд на Эвбула Финикийца, и нетерпеливо спросил:

— Что дальше?

Самозванец Иона, распятый в Тибериаде дней десять назад за провозглашение себя потомком царя Давида (то есть за пропаганду против Идумейской династии), был после казни погребён его родственниками в фамильной пещере. Но пять дней назад его труп был украден неизвестными. На рынках уже говорили, что Иона *воскрес*.

— Брать всех распространителей слуха! — приказал Антипа, медленно багровея. — В каменный мешок, в крепость, в Махерон!

Его тройной подбородок трясся. Обильная пища и питьё недовольно двигались в его желудке.

Сразу трое сановников сообщили сведения секретных соглядатаев о странном и неожиданном сближении галилейской партии zelотов, остававшихся, по-прежнему вне закона, с южными отшельниками — ессеями.

Усилить наблюдение, — приказал тетрарх.

Наконец — самое опасное событие. Лжепророк Иоханан, сын Захарии, который из безумия или зловредного умысла позирует перед чернью в одежде пророка Илии, усилил антиправительственную проповедь на Иордане. К нему собираются не менее семи, иногда до девяти тысяч «купальщиков». Контроль над ними чрезвычайно затруднителен, у «купальщиков» много оружия, соглядатаи и лазутчики отказываются от попыток проникновения в лагерь на Иордане, поскольку уже имели место случаи исчезновения людей.

— Сообщают, что лжепророк безошибочно распознаёт лазутчиков, повелитель.

— Он смеётся над нами! — проскрежетала Иродиада.

И однако одному человеку удалось побывать на Иордане, где он слушал лжепророка, принял «водное крещение» и благополучно вернулся в Тибериаду. Он принёс вести об окружении лжепророка: арабы, дезертиры-наёмники, галилейские кинжалщики, несколько испорченных до мозга костей представителей «золотой молодёжи» Иерусалима и одно новое лицо — есеей с юга, но, говорят, родом галилеянин. Имя не установлено.

— Об этом человеке говорят как об искуснейшем врачевателе.

— Что-то припоминаю, — сказал Антипа, — в прошлом году до нас доходили слухи о том, что будто бы некий галилеянин простого происхождения воскресил двоих мёртвых. . . Это о нём говорилось?

— Видиот, так, повелитель.

Раздался весёлый смех. Это смеялся учёный афинянин Гераклион, лейб-медик Антипы, стоивший огромных денегш.

— Прости мой смех, великодушный царь! Все толки о воскрешении мёртвых — суеверие невежественного народа. Когда люди умирают, то это очень и очень надолго. Даже Орфею не удалось вывести Эвридику из царства мёртвых! Конечно, мы не можем судить о смерти и воскрешение Богов, но что касается смертных. . . — афинянин изящно поклонился и развёл руками.

Повисла неприятная пауза. Антипа недолюбливал своего лейб-медика (в частности, из-за чрезмерного, как ему казалось, благоволения Иродиады к Гераклиону); многим сановникам речь афинянина показалась бестактной выходкой.

— Врачеватель — всего лишь обычная метафора: «врачеватель душ», — заметила Иродиада. — Они все так говорят.

Она не скрывала злобного презрения, произнося слово «они». Идумеянка имела в виду евреев.

— Врачеватели (терапевты) — это и есть ессеи, — важным тоном произнёс один из вельмож, давая излишнее пояснение.

Иродиада наклонилась к самому уху тетрарха и шепнула несколько слов. Он кивнул головой и тонко откашлялся.

— Надеюсь и впредь на ваше усердие, благородные, — бесцветным голосом сказал Ирод Антипа. — Пошлите в Кесарию печальное известие о гибели декуриона Максима моему другу, префекту Иудеи Понтию Пилату. Благодарю всех. Прошу остаться только Эвбула.

Советники и жрецы с поклонами удалились. Эвбул Финикиец приблизился к царственной чете. Он испытывал довольно обоснованное беспокойство по причине заметных неудач его службы.

Иродиада приказала ему сесть, что ясно польстило финикийцу и сразу успокоило его.

— Достойный Эвбул, — сказала Иродиада, — нельзя более терпеть неслышанной наглости Иоханана.

— Воистину так, повелительница! Я делаю всё возможное.

Она нетерпеливо кивнула, словно говоря: «знаю, знаю, но не об этом речь».

— Достойный Эвбул, — продолжала она, — есть ли у тебя на примете верный и искусный лазутчик?

— Пожалуй. . . да есть, пресветлая.

— Нам нужно иметь своего человека рядом с Иохананом.

— Понимаю, царица.

— Этот человек должен войти в доверие к лжепророку, вызнать его тайные приюты и убежища, всех его главных друзей.

— Это будет трудно.

— За деньгами дело не станет. В помощь ему будет всегда наготове сорок всадников. Если понадобится, дадим больше: сто копий, двести, триста, тысячу! Ты должен выбрать момент и взять Иоханана.

Финикиец слегка побледнел и молча поклонился.

— И ещё, дорогой Эвбул, — вмешался тетрарх, — вели своему лазутчику, помимо слежки за лжепророком, подружиться и с неизвестным терапевтом и войти в его ближайшее окружение.

Иродиада взглянула на мужа с ласковым удивлением; он порозовел и выпрямил плечи.

— Слушаюсь, мой повелитель.

— Кого ты предназначаешь для этого важного дела? — спросила Иродиада.

— У меня есть блестящий соглядатай, красивый молодой иудей, сын купца Иссахара из рода Иссахара.

Иродиада кивнула, подняла подвешенное к поясу зеркальце в драгоценной оправе и внимательно взглянула в него, беспокоясь о сохранности грима на своём лице.

— Как зовут этого красивого мальчика? — спросила она, забывая о присутствии Антипы и впадая в кокетливо-томное настроение.

— Иуда Иссахариот.

Х

Зима в Палестине — это время проливных дождей и ледяных ветров. В один из зимних вечеров, не доходя до Каны Галилейской, четверо путников оказались на дороге среди полей, ввиду приближающейся бури. Ветер пронизывал их до костей. Это были очень разные люди: красивый юноша с неподвижным взглядом; высокий и смуглый галилеянин с копной чёрных, курчавых волос и с беспокойным взглядом глазами; задумчивый назорей, устало опиравшийся на дорожный посох; и чёрный, худой человек в рыбацкой шапочке, очень добрый на вид. Они озирались на небеса и выказывали тревогу, — все, кроме назорея с посохом.

— Давайте свернём с дороги! — предложил высокий и черноволосый. — Отсюда в часе пути я знаю селение, где нас примут с радостью.

Трое путников с видом ожидания смотрели на задумчивого назорея, который поднимал голову, с наслаждением вдыхал холодный ветер.

Казалось, находящая буря ничуть не пугает его. Однако он понимал беспокойство своих товарищей и вчуже разделял его.

— Что ж! — сказал он. — Можно повернуть к селению. . . Пётр повсюду находит друзей. . . Только мне чудится, приют и ночлег ожидают нас где-то поблизости.

— Учитель, до Каны ещё три часа ходу, — возразил Пётр (он же Симон Зелот), — и нам не укрыться от дождя.

— Может быть, ты и прав, — ответил Йешуа Назорей, ибо это был он.

Пока они рассуждали и колебались, на дороге показались какие-то огоньки. Они дрожали и металась под ударами холодного западного ветра, но двигались навстречу четверым.

— Кто-то идёт, — сказал робкий Иоханан.

— Это добрые люди, брат мой, — ответил Йешуа.

Вскоре Четверо увидели на дороге человека в толстом плаще с круглым лицом; два раба, предносителя света, шли перед ним с факелами, третий раб, вооружённый мечом, следовал в двух шагах за хозяином.

Увидя четверых путников, человек в плаще высунул нос из-под капюшона и спросил на красивом койнэ с чужеродным афинским акцентом:

— Эй, люди добрые! Вы никак заблудились?

— Нет, господин, — отвечал Йешуа. — Мы идём в Кану, но не надеемся дойти до неё прежде грозы.

— Тогда ступайте со мной, — сказал круглолицый, — я обогрею вас и накормлю ужином, и вы переночуете в моём доме.

Йешуа Назорей вопросительно взглянул на своих спутников. Их явно обрадовало это радушное приглашение, только Симон Пётр засомневался:

— Не во гнев тебе будь сказано, добрый эллин, — сказал суровый галилеянин, — но мы правоверные иудеи, и не пристало нам оскверняться пищей язычников.

Человек в плаще грустно улыбнулся:

— Друг мой, не говори о язычниках! Я женат на иудеянке, ради неё я принял закон Моисея и совершил обрезание. Мой дом — это еврейский дом, если только в наше беспокойное и перепутанное время ещё могут быть настоящие евреи.

— Вот слова маловеера! — с оттенком отвращения произнёс непреклонный зелот.

— Ты прав, о путник! — невесело отвечал человек в толстом плаще. — Меня трудно спутать со святым. И всё же я выполняю обряды, подаю милостыню бедным и призреваю усталых, не ожидая за это платы.

— Благослови тебя бог, господин! — сказал Йешуа, сын Иосифа. — Мы идём с тобой.

— Вот и славно, — заключил эллин.

Все вместе тронулись в ту сторону, откуда пришёл Йешуа с друзьями. На расстоянии одного стадия с четвертью от большой дороги отходила сельская тропа; предносители света свернули на неё, путники в молчании одолели подъём, и тотчас им показалась большая вилла в греческом вкусе среди сада. В доме светились огни, ожидая хозяина. Заслыша проходящих, залаяли собаки.

~~Заслышав гласы хозяина~~ Увидя два факела, сторожа виллы поспешили открыть ворота; круглолицый хозяин повернулся к гостям и сделал широкий жест:

— Добро пожаловать, странники! Мой дом — ваш дом.

— Ах, есть на свете люди, — шепнул юный ессеи Иоханан рыбаку Андрею, брату Симона Петра.

Андрей улыбнулся.

— На свете есть Учитель и ты, добрая душа, — сказал он, входя с Иохананом во двор. — Как ты видишь людей, таковы они суть.

Внутри виллы зажигались новые огни. Толстогубый нубиец с ключами в руках, кланяясь, встретил хозяина.

— У нас гости, — сказал круглолицый, сбрасывая плащ на руки нубийцу. — Приготовь ужин на пятерых в малом зале. Госпожа ещё не спит?

— Госпожа ждёт тебя.

— Сейчас я поднимусь к ней.

Хозяин обернулся к гостям и приветливо улыбнулся:

— Ступайте за мной, друзья мои.

Он повёл их в специальное помещение, где в каменном полу были выдолблены корытца для мытья ног; вода проходила по трубам мимо очага и была тёплой, как парное молоко.

— У тебя, видать, хорошо с водой, — заметил Йешуа, моя ноги рядом с хозяином.

Два раба помогали хозяину и пришельцам мыть ноги.

— Я отвёл горный ручей, — ответил хозяин Назорею. — Иначе у меня не было бы этого сада.

Он пригладил рукой свои редкие волосы.

— Отдайте слугам верхнюю одежду, гости, — сказал он. — Они высушат её. Ступайте в столовую, я сию минуту вернусь к вам.

И он, улыбнувшись улыбкой оправдания, торопливо отправился поздороваться женой.

— Ну, какой же это еврей? — проворчал Симон Пётр. — Только греки так увиваются вокруг своих женщин.

— Говорят, у них был славный мудрец по имени Сократ, — вставил Андрей. — Однако жена мудреца бранила его всечасно и за малым не била.

— И чего только не болтают люди! — вздохнул Йешуа. — Послушай, раб нубиец, брат мой, где у вас столовая?

— Ступайте за мной, господа, — отвечал домоправитель.

Он проводил их в ярко освещённую комнату, которая сразу неприятно поразила гостей фресками на стенах: ведь закон Моисея запрещает всякое изображение. Слуги уже заканчивали накрывать на стол, и ложа вокруг стола были мягко застланы: всё по греческому обычаю.

Евреи едва успели обозреть стенные росписи, как спустился хозяин.

— Простите, добрые люди, что я оставил вас, — сказал он, — но я хотел успокоить супругу и предупредить её о приходе гостей.

— Ты поступил правильно, хозяин, — ответил Йешуа.

Эллин с круглым лицом чуть-чуть опешил и присмотрелся к Назорею. Гости, в свою очередь, исподволь рассматривали его.

При свете многочисленных лам хозяин выглядел старше, чем показалось евреям на ночной дороге. На его круглом лице ледянисто светились маленькие голубые глаза; нос украшала крупная бородавка. Он был некрасив, но приятен. Несмотря на спешку, он успел переодеться в лёгкую домашнюю одежду, скроенную на греческий манер. Во всём этом,

и в фресках, и в одежде хозяина, не было ничего странного в тогдашней эллинизированной Иудее.

Он пригласил Йешуа, в котором безошибочно угадал старшего, прочесть молитву, после чего все возлегли вокруг стола, и трапеза началась. Это оказалась простая, но хорошо приготовленная еда — типичный еврейский ужин в хорошем доме. Прислуживали двое мальчиков, обыкновенные галилеяне.

— Прости меня, добрый хозяин, — сказал за ужином Пётр, — но почему я ранее не видел твоей виллы? Я живу в Кане и знаю всё окрест.

— Ничего тут дивного, дорогой гость. Я поселился здесь и выстроил эту виллу год назад; сад был ранее, я купил его у Кривого Натана.

— Я знаю Кривого Натана, — сказал Пётр. — Всё говорят, что сад его плох.

— Говорили правду, — кивнул хозяин. — Но я оживил его, потому что люблю сады. . . У меня есть деньги, я не хочу, чтобы они пропадали зря. Можно ли найти лучшее применение богатству, чем новый сад и новые плоды?

— Хорошо сказано, — заметил Йешуа.

— Воистину, — согласились его ученики.

Наступило молчание; гости степенно ели. Хозяин ел мало, обводя их блестящим и рассеянным взглядом.

— Я не велел подавать вина, — начал он, — ибо мне показалось. . .

— Ты правильно сделал, — успокоил его Йешуа. — Мы не пьём хмельного. Хорошая беседа приятнее сердцу, чем вино, мёд и музыка.

— У твоих слуг цветущий вид, — сказал Иоханан Ессей. — Поведай нам, хозяин, как ты судишь о малых людях. . .

Грек был явно поражён прямотой этого вопроса. Он с любопытством уставился на юного гостя и не сразу собрался с ответом.

— Мой юный друг, ты задал необычный вопрос! — сказал он наконец. — Правда, об этом задумываются философы Эллады, но в Иудее не часто встретишь вопрошателей истины. Здесь чересчур много думают о жертвоприношениях, постах и молитвах. . .

— Мы не фарисеи! — резко сказал Симон Пётр.

— Вижу, — ответил хозяин. — По моему разумению, все люди, большие и малые, свободные и рабы, *равны перед роком*.

— Значит, и ты гулял под Расписной Стоей? — спросил Йешуа.

— Как, и ты? — вскричал поражённый хозяин.

— Нет, я не бывал в Афинах, — ответил Йешуа. — Но продолжай.

— Я уже всё сказал. Только добавлю, что в добром отношении к невольникам нет ещё *добра*: просто по нраву моему видеть вокруг спокойные лица. Я не могу терпеть голодных людей.

Йешуа понимающе кивнул:

— Ты добр к малым людям ради собственного спокойствия.

— Да, это так. Я не обременяю рабов излишней работой, хотя и не люблю видеть их без дела: ничем не занятый раб портится и пропадает.

Наступило молчание.

Взор Йешуа блуждал по стенам столовой. Прямо против него на стене был изображён берег моря, женщины, стиравшие бельё, и голый мужчина, который прятался в кустах.

Йешуа указал на красивую женскую фигуру в центре фрески.

— *Навсикая*, — сказал он.

Хозяин от изумления чуть не подавился сливой.

— Неужели ты знаешь Гомера, дорогой гость?

Йешуа Назорей оставался серьёзным, только в его карих зрачках замерцали искорки добродушной иронии.

— Не правда ли, — сочувственно сказал он, — что дивно и страшно увидеть грязного еврея с большой дороги, которому знакома песнь об Одиссее?

— О, не пойми меня так! — вскричал хозяин, краснея и огорчаясь. — Я уважаю еврейскую мудрость, но она так далека от эллинского разума!

— Вот в этом ты прав, — кивнул Йешуа. — По сю пору эллин и еврей не понимают друг друга.

— И никогда не поймут! — бросил Пётр, он же Симон Зелот.

— Как знать? — отвечал Йешуа.

— Но скажи мне, добрый назорей, — спросил хозяин, — откуда ты знаешь песни Гомера?

— Я слышал их в Александрии, у одного учёного эллина доброй жизни. Он даже и не совсем эллин. . .

— Прости, я перебыл тебя! — спросил хозяин. — Нравится ли тебе Гомер, или ты считаешь его слишком языческим певцом?

— Это трудный вопрос, — отвечал Назорей в задумчивости. — Мне совсем не по душе песнь об осаде священного города.

— Илиада!

— Так называют её. Как мог этот певец столь однообразно и неустанно прославлять бесконечные человекоубийства?

— Ах, ты прав, клянусь утренней звездой!

— Не клянись! — сказал Андрей и его поддержали остальные.

Хозяин смутился и попросил извинения за свою забывчивость.

— Да, эта песнь мне не по душе, — сказал Йешуа. — Но песнь о мореходе гораздо лучше!

— Ты любишь Одиссея? — с жадным любопытством спросил хозяин.

— Нет, господин и друг мой, — ответил Йешуа. — *Я его не люблю*. Он слишком много хитрил и обманывал.

Эллин был явно сбит с толку.

— Так почему же Одиссея нравится тебе? — спросил он.

— Там много правды о жизни, — сказал Йешуа. — Все думают, что это баеня сказка, а там много правды.

— Но что тебе особенно по душе в Одиссее?

— Я люблю тот рассказ, где Навсикая отпускает морехода на родину, хотя полюбила его. Она подарила ему свободу, а выше этого дара нет ничего! — сказал Йешуа, указывая на стенную роспись.

— Прекрасно, прекрасно, — пробормотал хозяин.

— И ещё я люблю то место, где старый пёс первым узнаёт вернувшегося хозяина, — сказал Йешуа. — Гомер понимал, сколь крепка любовь малых и неразумных.

Хозяин, забывшись, пропел несколько слов на старом ионийском диалекте. Он был взволнован.

— Но как отвратительно и грустно слышать, — сказал с силой Йешуа, — о кровавом избитии глухих женихов, которое устроил этот несчастный мореход вместе со своим сыном. . .

— Жестокое старое время, — извиняющимся тоном сказал хозяин.

Мягкое лицо Йешуа внезапно вспыхнуло гневом.

— Когда-нибудь и о нас скажут: «Жестокое, стародавнее время!» — сказал он горько. — И будут творить жестокости на новый манер, и притворяться, что стали добрее. . . Нет оправдания насилию во веки веков!

Круголицый эллин, расстроившись, как ребёнок, отложил недоеденный гранат и подпёр голову рукой.

— А как Одиссей отталкивал тень собственной матери в преисподней? — напомнил Йешуа.

— Ему нужно было услышать прорицателя! — вскричал хозяин.

— Нужно? — иронически спросил Йешуа. — Очень нужно? Нужнее матери? Нужнее, чем добро?

— Так ты считаешь, что добро превышает жизнь? — со страхом и почтением спросил стоик.

Йешуа потупился и ~~не ответил~~ сделал смутный жест.

— Прости, гость мой, а у кого в доме ты слушал песни Гомера?

— О, то был сошедший с пути еврей, — ответил Йешуа. — Его зовут Филон Александриец. Он мудр, но не прав.

XI

— Филон Александриец? Я знаю его! — вскричал хозяин. — Это самый просвещённый из евреев.

— Эллины называют его Филолоном Евреем, но для нас он скорее эллин, чем иудей. Впрочем, это не столь уж важно. . .

— Однако, любезный гость, я примечаю по твоим речам, что твоя любовь к мудрости обручена с нелюбовью к эллинам. Или я ошибаюсь?!

— Ты ошибаешься, добрый человек, — ответил Йешуа.

— Всё же ты не любишь греческой философии?

— Греческий ум — это детский ум, ответил Йешуа, — и эллины никак не могут повзреть.

— Удивительные речи я слышу! — вскричал хозяин. — Я поклоняюсь Единому Богу и не вкушаю нечистого, однако же разве иудеям нельзя ценить мудрости иных народов?

— Можно и должно, — молвил Назорей.

— Как же ты равняешь с неразумными детьми Фалеса Милетского, Платона Афинянина, Аристотеля Стагирита.

— А знаешь ли, многоучёный муж, что дети — просто дети — весьма разумны, часто даже разумнее брадатых и убелённых сединами, разумнее книжников и философов? — ответил Йешуа.

— Но всё же они дети?

— Да, мудрый стоик, всё же они дети. Многое открывает им Господь, но дети есть дети: они не имеют силы духа и живут, играя. Но таковы же и все эллины.

— Дорогой гость, расскажи мне подробнее, что ты разумеешь под этими словами.

— С охотой, любезный хозяин, только окончим нашу трапезу, омоем руки и оставим застолье, ибо и у моих друзей уже слипаются глаза. Мы много прошли сегодня.

— Учитель, — сказал Иоханан, — позволь мне слушать ваши речи.

— Нам же с братом позволь удалиться на покой, — сказал Пётр.

— Да будет по вашему желанию, друзья мои.

Хозяин кликнул своего чернокожего домоправителя и велел ему отвести гостей на ночлег, а сам с Назореем и юным ессеем отправился в библиотеку, полную пергаментных и папирусных свитков. Тора соседствовала здесь с сочинениями перипатетиков, а на стене были изображены Земля, Луна, Солнце и звёзды, как их представляли себе Аристотель и Птолемей.

Усадивши гостей на греческие невысокие кресла, хозяин сам поместился напротив них и попросил Назорея продолжить его рассуждения:

— Почему же, удивительный человек, ты считаешь эллинов подобными играющим детям, а их разум — детским?

— Я скажу тебе, искатель мудрости, — ответил Йешуа. — Потому, что эллины хотят прежде всего и более все *утехи* своим чувствам и *радости для плот.*

— А что же в этом дурного или порочного? — с некоторым вызовом спросил хозяин.

— Ты сейчас говоришь не так как думаешь, — заметил Йешуа.

Хозяин смутился.

— Ты прав. Питомцы Стои не считают благом радости плоти, — признал он. — Но большинство эллинов живут ради таких радостей.

— Ты сказал истину. Эллины услаждают свой слух музыкой и песнями о любви, услаждают зрение идолами, одетыми и раскрашенными наподобие живые людей, услаждают нёбо медами и винами, услаждают желудок сладкими и пряными кушаньями, услаждают свою

похоть частыми сношениями с блудницами, которые обучены своему ремеслу в особливых школах: ибо если женщину познают не ради продолжения рода, то средство к цели само становится целью, и такое сношение есть простая игра, а в игре нужны не любовь и самоотвержение, но всего лишь ловкость и искусство. И такую же пустою игрой оказывается принятие пищи без голода и питьё вина не ради утоления жажды и не ради празднества, а только ради утехы чувства. . . И такую же пустою игрой оказывается сотворение идолов, в которых никто не верит. Эллины живут играя.

— Мои слова — это правда. Всё знание и ум эллинов пошли по ложному пути, и он ведёт их не к обители Бога, а к бездне, наполненной смрадом и трупами.

— Ложный путь?

— Увы, многоучёный муж, это ложный путь. После мучительных размышлений нескольких мудрецов о мире и Боге и справедливости, Эллада скоро устала и вернулась к своим играм. Я не удивлюсь, если знаменитые повара напишут для эллинов пространные сочинения о том, как изготавливать диковинные яства. . .

— Такие книги есть, — пробормотал хозяин.

— Или ещё найдутся учёные блудницы, которые опишут в книгах все способы, какими они тешат любострастие развратников.

— И такие книги есть, их написала Элефантида, — сказал хозяин, — и притом самыми прелестными стихами.

— Не может быть! — вскричал поражённый Иоханан.

— Очень может быть, — спокойно заметил Йешуа.

— Так и есть, — подтвердил хозяин.

Они помолчали.

— Но вспомни, Назорей, даже в Содоме нашёлся один праведный человек, племянник Авраама. Так и в Элладу есть Стоя, есть мудрецы, презирающие утехы плоти.

— Да, — отозвался Йешуа, — питомцы Стои умнее прочих эллинов. Однако скажи мне, добрый муж, чему они учат?

— Это нелегко изложить в немногих словах.

— Попытайся выбрать главное в их учении.

— Я попытаюсь, богоданный гость мой. Мудрецы Стои, из них же главнейшие Зенон Киприот и Хрисипп Киликиец, укротили гордыню многосведущих. Знание вещей, земного бытия не может быть целью само по себе; собиратель знаний, не умеющий жить достойно, подобен скупому богачу, который спит на мешках с золотом и гложет сухую корку. Знание — это всего лишь средство для приобретения мудрости, умения жить.

— Это хорошо, — сказал Йешуа, — это истинно.

— А жить надо сообразно природе, — продолжал ободрённый эллин. — Счастье заключается в свободе от страстей, в спокойствии духа, в равнодушии. Мудрому следует избегать тревожений и нареканий на ход вещей: что толку бранить камень, падающий с горы? Судь-

ба всевластна, спорить с нею безумие. Итак, должно следовать судьбе и повиноваться ей. Не так ли, любезный гость?

— Нет, — отвечал Йешуа.

— Как? Неужели эта суровая и горькая мудрость не убеждает тебя? Или ты не веришь в судьбу?

— Пойми же, о добрый и несчастный человек, что эта мудрость ещё хуже, чем низкие страсти эллинов и римлян. Ведь если они уподобляются животным в неразумии страстей, то Зенон, Хрисипп и ты, мой хозяин, желаете прозябать, подобно траве, ибо бесстрашие — это удел растений. Камню я предпочту траву, траве я предпочту зверя, зверю я предпочту человека. Погибель равнодушным! Нет им спасения.

— Я не понимаю тебя, Назорей.

— Скажу тебе иначе: равнодушная мудрость не ведаёт жалости и не желает видеть язв людских. Порочный человек сегодня жесток, завтра смягчится, ибо страсти гонят его по кругу земли, но равнодушный *жесток всегда*.

— Но какой же смысл бороться с судьбой и не мудрее ли прозябать, как ты говоришь?

— Истинно говорю тебе, *совесть превыше судьбы* и воля Бога Живого свершается каждый день.

— Назорей, нам не дано изменить ни йоты в Книге Судьбы.

— Эллин, Книга Судьбы не написана, и прежде конца мира никто, ниже сам Господь, не скажет последнего слова.

— Разве мир не сотворён много веков тому назад?

— Он сотворён, и был разрушен потопом, и сотворяем вновь, а заменой потопа бывали страшные завоеватели и *творение продолжается* . . . Ибо когда гончар остановит круг и скажет, что сосуд готов, то сосуд этот перестанет изменяться, и из мягкого станет твёрдым, а отверделое мёртво. Запомни, эллин, *жизнь есть неготовое*.

— Творение продолжается? Кто же ныне творит мир?

— Воля Божия через всех людей. Есть только она, и ей навстречу поднимаются мольбы человеков. *Нет судьбы*, которой ты поклоняешься, нет извечной и написанной прежде на все будущие времена. Ты мореход, ты попал на корабле своём в неведомое море — хорошо выбирай свой ветер! Не будь равнодушен, плыви и молись! Бог поможет пловцу. Но того, кто снял парус и бросил кормило, Бог предоставит его собственной судьбе. Бойся остаться в одиночестве, без Бога и наедине с судьбой. *Равнодушие есть смерть*.

— А в чём же ты видишь истинную жизнь, Назорей?

— Жизнь есть любовь, и Бог есть любовь.

— Всемогущий Эрос?

— О нет, добрый стоик, не Эрос! Жизнь только в *агапэ*, в любви божеской и братской.

— Никогда не слыхал я таких речей! — в изумлении вскричал хозяин.

— Ты ещё не раз их услышишь, ибо наступают новые времена. Эллин вздрогнул и вперил в Назорея сверкающий взгляд. Затем, подняв руки, он с надеждой произнёс несколько непонятных слов и уставился на Йешуа, ожидая ответа.

Тот покачал головой.

— Нет, добрый хозяин, я не понимаю языка вавилонян.

— Однако ты понимаешь, что это язык вавилонян?

— Да, я слышал его прежде, но мало. Почему ты решил, что я знаю его?

— Я подумал, что ты — *звездарь* и прорицатель людских судеб, а все, кто читают по звёздам, уважают ~~нечитают~~ Вавилон, где был корень этой науки.

— Я не звездарь, а скорее врачеватель. Но ты, я думаю, сам звездочёт. . .

— Да, я сам звездочёт.

Хозяин говорил тихо, и взгляд его затуманился.

— Узнай, Назорей, что я родился в Вавилоне, и в жилах моих течёт не только эллинская кровь.

— Я так и думал, — сказал Йешуа Назорей. — Время уже позднее, но если такого будет твоё желание, поведай нам о себе и о том, что прочёл ты в созвездиях.

— Так я и сделаю, — отвечал хозяин.

ХII

— Узнай, о мудрый Назорей, что я родился в Вавилоне и был наречён великим именем Мардука, вы же, евреи, называете его Мардухай. Отца же моего звали Антипатр, и в нашем роду постоянно смешивалась эллинская и вавилонская кровь. Когда Александр Великий взял себе вторую жену, царевну Статиру, то одновременно восемьдесят его ближайших друзей тоже вступили в брак со знатными персиянками. И ещё десять тысяч воинов Александра, эллинов и македонян, тоже взяли себе в жёны дочерей Востока, ибо царь хотел породнить Вавилон с Элладой и обещал всякому, кто женится на девушке из покорённого народа, полностью заплатить долги. Среди этих воинов был Никомах Двоерукий, славный в бранях: он одинаково сильно разил и правой, и левой рукой. Это был дед моего деда.

Потомки Никомаха жили счастливо и возвысились на службе Селевкидов. Большое родство среди вавилонской знати и немалые богатства моего рода помогли нам пережить крушение державы и уцелеть в тени новых царей. Однако постепенно большинство моих предков и сородичей переселились на запад, в Сирию и Элладу, ибо иго парфян казалось им тяжело. Я родился в Вавилоне, учился в Антиохии и Афинах, жил повсюду от Евфрата до Тибра. . .

— Ты жил и в Риме? — не удержавшись спросил юный ессеи Иоханан, долго хранивший почтительное молчание.

— Я провёл в нём семь лет, мой молодой гость. Ибо я изучил не только физику, этику и логику эллинов, но и древнюю вавилонскую науку чтения звёзд. Мои гороскопы, лучшие по точности, всегда сбывались, и слава моя дошла до самого кесаря. Он приказал призвать к нему Мардония Вавилонянина (ибо эллины называют меня не Мардуком, а Мардонием), и я предстал перед самым властелином мира.

— Ты видел Тиберия?

— Я видел его, — задумчиво и без всякой важности ответил хозяин. — Я видел его, как вижу вас, и это было не единожды. Ибо кесарь пожелал, чтобы я прочёл по звёздам его судьбу.

— Но скажи нам, каков он собою, — попросил Йешуа.

— Я видел его давно, с тех пор он уже сильно изменился и, как я слышал, очень постарел. . . Он был очень высок и силён, мышцы у него были развиты толстые, как у гладиатора, и он был красив лицом, с орлиным носом и большими серыми глазами; но он очень трудно разговаривал говорил. Равверии Рассказывали, он мог одним щелчком пробить темя взрослого человека, но он никогда не изучал ни риторики, ни диалектики. Телесная красота и сила — вот всё, что я запомнил о Тиберии.

— Самое непрочное, — сказал Йешуа.

— О чём же кесарь говорил с тобой, достойный муж? — спросил Иоханан.

Тиберий хотел узнать, нет ли у него врагов среди приближённых. Мне пришлось проделывать громадный труд и множество расчётов. Я не стал скрывать от него правду, — хозяин понизил голос и невольно огляделся.

Йешуа и Иоханан молчали.

Мардук, сын Антипатра, заново пригляделся к ним.

— Вы люди верные и не станете говорить об этом..

Оба гостя молча кивнули.

— Звёзды открыли мне, что кесарь Тиберий умрёт от руки человека, которому он верит. Я не скрыл от него правды, но просто сказал ему, что он должен остерегаться одного из людей, им любимых. Тиберий был поражён этим, однако, как мне кажется, в душе признал истину моего предсказания. Он щедро наградил меня и приказал мне молчать об этом под страхом смерти. Вы первые, кто услышал эту тайну.

Тиберий запретил римлянам обращаться к звездочётам, ибо не хотел, чтобы его подданные, между прочим, могли узнать и его собственную судьбу. Но спустя год, тревожась тайными посещениями звездочетов, кесарь повелел выслать из Италии всех предсказателей судьбы, числом не менее четырёх тысяч.

Он не забыл и обо мне: ко мне домой явился центурион и сказал, что по воле кесаря мне даётся двухдневная отсрочка для продажи моего имущества, а через два дня мне дали самых лучших лошадей, чтобы я как можно скорее покинул Италию.

Я оставил эту вероломную страну и удалился в Афины, где нашёл своих друзей; однако власти знали о немилости кесаря и не дали мне покоя. Тогда я уехал в Азию и жил очень

хорошо, только один мой гороскоп вызвал гнев большого римского чиновника. Я не стал ожидать худшего и уехал в Антиохию, где собирается прекрасное общество; там в домике Дафны, во время увеселений, я встретил знатное и богатое иудейское семейство, дочь которого стала моей женой. Мы оба хотели уединения, а потому избрали Кану Галилейскую и этот сад. Мой тесть знаком с большими людьми в Тибериаде, мне же довелось оказать маленькие услуги кое-кому из иных людей; простой народ уважает меня, рабы мои счастливы, и я живу мирно. У меня есть сад и звёзды, а более мне ничего не нужно.

— Рассказ твой хорош и правдив, — промолвил Йешуа Назорей, — однако ты сказал не всё, что ты знаешь.

— Ты прав, славный муж, я умолчал о самом важном, ибо не знал, что более интересует тебя и твоего друга. Есть вещи намного важнее моей жизни.

Ты говорил, мудрый Назорей, что нет от века предначертанной судьбы. Хотя в речах твоих слышалась вера и сила, всё же трудно мне отрешиться от мысли, что есть в мире знаки будущего. Ибо, по моему разумению, грядущее не только будет, оно уже отчасти есть. И то, что есть из завтрашнего дня, знают звёзды, ибо они были прежде нас и пребудут много дольше, а потому наши тайны не открыты.

Тридцать лет тому назад, когда я был ещё ребенком и лишь подбирал крохи от пиршества халдейских мудрецов, хвостатая звезда взошла на востоке и ушла на запад; ранее никто не видел такой. Самые учёные мужи Вавилона рекли, что звезда эта возвещает рождение царя, который потрясёт вселенную. Где родился он, я не знаю, и никто не знает. Но он родился.

Два года назад, незадолго до моего приезда в Галилею, в этих местах явился пророк дикого и сурового вида, именем Иоханан; я думаю, вы слышали о нём. Он купает людей в Иордане и проповедует скорое пришествие Царя-Избавителя, Помазанника Божия, по-еврейски он называется Мессия, а по-гречески Христос. Немало уже было случаев в этой стране, когда народных вождей объявляли Мессиями, так что иногда в Иудее в один и тот же час было по три Мессии. . .

— Молчи и слушай! — повелел ему Йешуа.

— Да, я тоже думаю, что это были самозванцы. Говорят, Иона плакал, идя на казнь в Тибериаде. Но пророк Галилеи не выдаёт себя за Мессию, а лишь предвещает его приход. Думается мне, что хвостатая звезда возвестила рождение того самого царя, о котором говорит Иоханан Предтеча. Он говорит истину: тому царю должно быть тридцать лет — может быть, тридцать с небольшим. Он скрывается, но его час близок.

Я здесь не перестал наблюдать звёзды. Ныне явились небывалые сочетания звёзд и планет: картина неба не та же самая, что была всегда. Увеличилась сила красной звезды, Марса, а это предвещает войну, кровь и людскую гибель. Возможны землетрясения. Друзья написали мне из Египта, что, по глаголу тамошних жрецов, птица Феникс готовится восстать из пепла. Это означает перемену времён.

— Всё это похоже на правду, — сказал Йешуа, навивая на палец пряди своей бороды.

—
— *Очень* похоже на правду, мудрый Назорей. Кажется мне... и я ещё раз прошу вас о скромности... что к кесарю приближается Великая Успокоительница, а посему вечный сон его близок. Все знают, что Юлий пал от кинжалов собственных друзей и сенаторов Рима; Октавиан умер спокойно в своей постели; какова будет кончина Тиберия?

— *Она будет плохой*, — сказал Йешуа.

— Откуда ты знаешь это, если не веришь звёздам?

Йешуа улыбнулся.

— Будущее говорит не только устами звёзд, но и устами пастухов.

— Как мне понять эту загадку, мудрый гость?

— Ты веришь в судьбу предначальную, я верю в суд Божий по делам людским. И знаки этого суда явлены тем, кто желает видеть. Взятый меч погибнет от меча, и неправое сокрушится неправдой. *Истина же пройдёт мимо.*

— Ты объясняешь тайну тайной.

— Я сказал тебе много, Мардук, сын Антипатра.

— Мне трудно постигнуть путь твоего разумения.

— Почему же?

— Вот, к примеру, ты первый сказал ныне, что наступают новые времена. И когда я привёл свидетельства звёзд, то ты не оспорил, а подтвердил их. И однако ты не веришь в судьбу...

— Мардук, я уже говорил тебе, что судьба сильна и ужасна, как власть кесаря. Но как Парфия ставит предел кесарю, так и Бог превышает судьбу. Борись и мужайся — ты можешь охрометь в борьбе, но судьба не одолеет тебя. Совесть сильнее судьбы.

— Но звёзды?

— Что ж, звёзды сильны. Но знаешь ли, что говорят мудрейшие люди в Иерусалиме? Праотец наш Авраам обречён был звёздами на бесплодие. По его гороскопу, у него не могло быть детей. Он же родил Исаака, откуда нонёж корень избранного народа, и ты сам женат на дочери этого народа, хотя этого не было начертано от века и звёзды сулили иное.

— Что же это... как понять? Космоса нет? Неужели мы живём среди хаоса, и космос — только видимость?

— Нет, мир устроен, он *космос*, порядок, но устройство его длится, как я тебе уже сказал. Когда ты строил дом свой и обновлял сад, разве не приходили тебе в голову переделки плана?

— Да, мне случилось спорить с моим архитектором, ибо я хотел с крыши дома без помех наблюдать небо, он же не понимал, для чего я нарушаю стройность пропорций... И сад я разбил не так, как мне советовали.

— Видишь? Так чему же удивляться, что Господь испытует и меняет приговоры, если даже один дом на земле переделывается при постройке?

— Но вести о переменах — ты с ними согласен?

— Да, это будет воистину, ибо это должно быть.

— Должно?

— Да, Мардук, не предначертано от века, а теперь сделалось должным. И не судьба сулит перемены, а обида народов, ею же явлен гнев Божий. Тысяча племён хотят изменить лик земли: значит, этого хочет Бог. Все люди ждут больших перемен. Они будут.

— Перемены зависят от самих людей?

— Нет, перемены зависят от Бога. Но люди могут познать его волю. . .

— Кто познал волю Бога?

— Несколько человек хорошо поняли её. В Иерусалиме живёт благочестивый и учёный человек именем Гамалиил, из братства фарисеев; но, хотя он фарисей, слово его неложно и жизнь его свята. Он видит многое. Совсем иной человек — тот, о котором ты уже помянул: Иоханан, сын Захарии. Он познал волю Бога. Но более всех видят знаки Божия суда старцы из пещер Енгадди, имена же их ненарицаемы, ибо они ушли от мира.

— Мудрый гость, ты ещё и сам не назвал своего имени.

— Прости, Мардук, я ждал, когда ты спросишь. Я зовусь Йешуа, сын Иосифа Плотника, сам я и плотник, и врачеватель, и теперь прохожу по земле, разнося слово истины. Я жду.

— Чего ты ждёшь, Йешуа Назорей.

— Я жду, когда исполнится чаша гнева Божия и сбудутся речения пророков Израиля, ибо час близок.

— Тут мы сходимся с тобою, желанный гость.

— Да, Мардук, ты неволею вещаешь истину и время великих перемен. Хоть разум твой омрачён ложной мудростью, Бог и для тебя не пожалел немного света, и радуйся этому!

Мардук кивнул головой. Он выразил полное согласие с гостем:

— Воистину миру настанет перемена. Её ждут арабы, иудеи, галаты и египтяне. Афины и вся Эллада тоскует, соскучась рабскою жизнью под пятой кесаря. Многие эллины вспоминают былую славу своих городов и желают иметь собственных царей.

— Эллада бессильна, а Рим свиреп.

— О мудрый странник, Рим удивителен и многолик! У него нет единой души, а у него две души: одна смиряется перед силой, другая оплакивает свободу. Ведь прежде автократия не водилась у римлян.

— Нет, Мардук, не говори мне о Риме. Сыны Волчицы забыли свободу ради дарового хлеба и тёплых бань; рабство пришлось им по душе, и более всего на свете они любят свой неправый закон. Он твёрд, словно железо, и столь же мёртв. Закон заменил им Бога, а посему — смерть в душе Рима.

— Ты полагаешь, Йешуа, что парфяне завоюют нас и уничтожат силу кесарей? — с волнением спросил хозяин.

— Нет, Мардук, — отвечал Йешуа. — Ещё могут быть войны с парфянами, на долю обеих сторон выпадут и победы, и поражения, но этим ничто не решится. Обе великих державы

истошат сами себя, и не войнами, а вечной готовностью к ним. Ибо сила изнурительна для сильного. Рим сокрушится изнутри.

— Сам собою, естественным ходом вещей?

— Нет, Мардук, добрый хозяин, не сам собою, а по Божией воле.

— Но, если я правильно понял тебя, воля Бога осуществляется людьми?... Теми, кто уразумел её?

— Да, теми, кто уразумел её, и теми, кто пошёл за уразумевшими... Люди камень по камню разрушат Дом Юпитера, перо за пером оциплот Орла его. Чёрный ветер пустыни пролетает над городами, и сила его бессильна, но тьмы малых песчинок, тьмы тем и более того сыплются тихо и днём и ночью, погребая сады, колодцы и храмы.

Мардук, сын Антипатра, в волнении стиснул руки и всем телом подался вперёд:

— Значит ли это, о Йешуа... .

Йешуа кивнул и ответил:

— Мы разрушим Рим.